

Е. Н. Лисицын,
Ю. С. Пивоваров

К Р И З И С
С О В Р Е М Е Н Н О Й
Б У Р Ж У А З Н О Й Д Е М О К Р А Т И И

ОБЩЕСТВО «ЗНАНИЕ» РСФСР

ОБЩЕСТВО «ЗНАНИЕ» РСФСР

Секция пропаганды знаний о государстве и праве

Е. Н. Лисицын,

кандидат юридических наук,

Ю. С. Пивоваров,

кандидат исторических наук

**КРИЗИС
СОВРЕМЕННОЙ
БУРЖУАЗНОЙ ДЕМОКРАТИИ**

В ПОМОЩЬ ЛЕКТОРУ

МОСКВА 1986

Рецензенты:

В. А. Баранчиков, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права и советского строительства юридического факультета МГУ им. Ломоносова;

Б. Л. Полунин, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам АН СССР.

СОДЕРЖАНИЕ

К лектору	3
Содержание буржуазной демократии	6
Основные институты буржуазной демократии и их кризис на современном этапе	9
Рекомендуемая литература	40

Лисицын Е. Н., Пивоваров Ю. С.

Л 63 Кризис современной буржуазной демократии.— М.: о-во «Знание» РСФСР, 1986. — 40 с. — (В помощь лектору/ О-во «Знание» РСФСР. Секция по пропаганде знаний о государстве и праве).

5 к. 10 000 экз.

В брошюре анализируются кризисные явления, происходящие в основных институтах современной буржуазной демократии — государстве и аппарате государственного управления, парламентаризме и избирательной системе, лоббизме и др.

Даются методические советы лектору, пояснения наиболее сложных для восприятия проблем, приводится список рекомендуемой литературы.

Л $\frac{11004-5}{073(02)-86}$ 27-85

ББК 67

К лектору

Кризисные процессы в социально-политическом развитии современного капитализма демонстрируют всю глубину объективных противоречий буржуазного общества. «Общий кризис капитализма, — указывал Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, — не только обострение его экономических, социальных и политических противоречий. Это — кризис духовный, кризис идейный»¹. Становится очевидным, что преодоление этого кризиса невозможно без коренной перестройки всей системы буржуазной демократии.

В отечественной литературе принято выделять несколько значений понятия «демократия». Во-первых, под демократией понимается форма государства как центрального и основного элемента политической организации общества, во-вторых, — форма организации политической жизни в обществе, в-третьих, — форма организации и деятельности политических институтов и объединений типа партий, профсоюзов, в-четвертых, — это различные политические движения и соответствующие им варианты политического мировоззрения, политические доктрины, концепции и т. д. Следует иметь в виду, что все возможные значения понятия «демократия» тесно связаны между собой и каждый выражает лишь одну из сторон исследуемого явления — механизм управления в буржуазном обществе.

Политическая демократия возникает с расколом общества на антагонистические классы, и поэтому можно считать, что политическая демократия есть, по сути дела, одна из форм организации политической и правовой надстройки. При этом следует различать две основные разновидности политической демократии: демократию как форму государства и демократию как форму организации всей иной (негосударственной в собственном смысле) политической жизни; политических институтов.

Содержание понятия демократии состоит в признании равноправия всех членов общества, а также в одинаковой для всех возможности строить и управлять дан-

¹ Горбачев М. С. Живое творчество народа. М., 1985, с. 35.

ной организацией, государством, обществом. Другими словами, демократия означает не только формальное признание права на равное участие всех членов того или иного социального коллектива в осуществлении власти, но и практическую реализацию своих усилий в государственном управлении. Этот принцип демократии как управления народа в своих собственных интересах по-разному реализуется в социально-политических системах различных типов. Существо проблемы заключается в том, что в классово антагонистическом обществе демократия есть отражение, форма и осуществление диктатуры господствующего класса, диктатуры меньшинства над большинством.

Современный этап общего кризиса капитализма характеризуется резким обострением противоречий всей системы государственных и политических институтов буржуазного общества. Поэтому сегодня стало очевидным, что кризисные явления появились также и в теоретико-практических конструкциях, характерных для идеологического закрепления отдельных институтов буржуазной демократии.

Изложение лекции о кризисе буржуазной демократии следует начинать с освещения данной проблемы в трудах классиков марксизма-ленинизма, их фундаментальных выводов по рассматриваемым вопросам.

Тут весьма к месту будет вспомнить о классовом подходе к понятию демократии. Так, например, В. И. Ленин отмечал, что вера в универсальное всеспасающее действие демократии вообще, непонимание того, что она суть демократии буржуазной, исторически ограниченной в своей полезности и необходимости, держалась в народных массах веками¹.

Показывая приемы и методы апологетов капиталистических общественных отношений, В. И. Ленин указывал, что обыкновенно буржуазные ученые и публицисты выступают защитниками империализма в несколько прикрытой форме, затушевывая полное господство империализма и его глубокие корни, стараясь выдвинуть на первый план «частности и второстепенные подробности, стараясь отвлечь внимание совершенно несерьезными проектами реформ»².

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 192.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 407.

Особого внимания заслуживает ленинский анализ кризиса буржуазной демократии как объективной социальной реальности: «Всякие кризисы вскрывают суть явлений или процессов, отметают прочь поверхностное, мелкое, внешнее, обнаруживают более глубокие основы происходящего»¹. Именно с этих позиций лектору следует подходить к анализу понятия кризиса буржуазной демократии, когда объективно создаются условия для более глубокого понимания сущности основных институтов буржуазной демократии, скрытых в другие времена наслоениями различных второстепенных и малозначительных фактов. Катализатором высвечивания таких новых условий является рост безработицы, классового расслоения и преступности в буржуазных странах, окончательная потеря веры широких народных масс в демократические устои буржуазного правления и власти.

Необходимо остановиться на анализе современного этапа кризиса буржуазной демократии, предпринятом в документах коммунистических и рабочих партий капиталистических стран. Важно также обратить внимание на акценты, которые поставлены в материалах июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС, посвященных задачам более глубокого анализа «новых сторон и аспектов общего кризиса капиталистической системы»².

Лектор должен показать, что кризисные явления в буржуазном обществе затронули практически все капиталистические страны, обусловив дальнейшее усиление неустойчивости капиталистической системы, глубокие внутренние противоречия империализма. При рассмотрении кризиса буржуазной демократии следует видеть главные противоречия экономической и социальной жизни, формы их проявлений, углубление классовых противоречий, механизмов государственно-монополистического регулирования.

Кризис экономических структур буржуазного общества дополняется неустойчивостью политической системы империалистического господства и кризисом буржуазной идеологии. Поэтому необходимо всячески подчеркивать, что когда западные идеологи выступают с ло-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 245.

² Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 г. М., 1983, с. 24.

зунгами защиты буржуазных свобод и демократии, то речь идет, по существу, о защите «свободы предпринимательства» и эксплуатации, на которых базируется капиталистическое хозяйство, и что буржуазная «свобода» есть свобода только для избранных — собственников, предпринимателей, лавочников и мелких буржуа.

Таким образом, лекцию целесообразно построить по следующему плану: сначала необходимо показать возникновение и историческое развитие некоторых наиболее репрезентативных теорий «демократии» буржуазии, затем дать изложение основных положений марксизма по проблемам кризиса буржуазной демократии. И в заключительных разделах остановиться на характеристике современного этапа этого кризиса, позиций западных идеологов и апологетов капитализма, стоящих на защите буржуазной системы общественных отношений.

Вместе с тем в зависимости от конкретного контингента слушателей можно произвольно варьировать отдельные разделы лекции, высвечивая наиболее интересные для данной аудитории факторы кризиса тех или иных институтов буржуазной демократии.

Содержание буржуазной демократии

В истории человечества нет демократии вообще, существуют лишь ее конкретные формы, содержание которых зависит от характера общественного строя — рабовладельческого, феодального, буржуазного, социалистического. Поэтому в классовом обществе демократия всегда выступает в открытой или завуалированной форме в качестве диктатуры господствующего класса и используется в его интересах.

Буржуазная демократия представляет собой форму классового господства буржуазии и является выражением ее диктатуры. На ранних стадиях капитализма буржуазия выдвигает демократические лозунги свободы, равенства и братства для борьбы с феодально-абсолютистскими режимами, с сословными привилегиями. В этот период буржуазия заинтересована в демократии как в средстве достижения своего политического господства. Именно в это время в странах капитала создаются представительные учреждения (парламенты), разработа-

тываются и принимаются конституции, провозглашаются политические свободы, вводится избирательное право. Однако в условиях экономического неравенства буржуазно-демократические права и свободы носят ограниченный характер. В эпоху империализма, так сказать, на закате капитализма, усиливается стремление монополистической буржуазии урезать, ограничить демократию.

Как справедливо замечают советские авторы, наиболее характерными признаками демократии в марксистско-ленинской науке принято считать: подчинение меньшинства большинству, не исключая насилия; равенство граждан; участие народа в делах государства, его влияние на решение основных вопросов жизни общества; провозглашение важнейших социальных и политических свобод¹.

Первый «классический» признак демократии не является характерным для обществ эксплуататорского типа, в том числе буржуазного, где меньшинство господствует над большинством. Более того, он предопределяет формальный, урезанный характер всех остальных признаков буржуазной демократии. Так, формальное юридическое равенство сосуществует с фактическим социально-классовым неравенством, категория «народ» весьма расплывчата и неточна, поскольку имеются антагонистические классы, а права и свободы носят во многом декларативный характер.

Буржуазная демократия есть последний, наиболее развитый и высший тип демократии эксплуататорских обществ. Она существенно отличается от демократий предшествующих капитализму формаций. Качественное ее своеобразие состоит в том, что лишь при капитализме демократия, хотя и формальная, распространенная на все общество, впервые стала официальным, политическим и правовым принципом общества и государства.

Буржуазная демократия сложнее, разностороннее и шире, чем все исторически предшествовавшие ей типы демократии. Действительно она включает в себя внушительный комплекс прав и свобод, формирует определенный тип гражданина, создает более широкие, чем прежде, возможности для участия трудящихся в социально-политической жизни. Буржуазная демократия представ-

¹ См.: Буржуазная демократия: миф и реальность. М., 1979, с. 5.

ляет собой сложный феномен и в отношении «зрелости» и разнообразия демократических ценностей, принципов и институтов. Однако при всем том она остается весьма относительной и ограниченной, а многие ее положительные стороны — результат уступок господствующих классов завоеваниям пролетариата в ожесточенной классовой борьбе. «Буржуазно-демократические институты, — это не только изощренные формы господства буржуазии над трудящимися, но одновременно в ином плане — результат их классовой борьбы и наиболее благоприятное (по сравнению с любой формой открытого деспотизма) поприще этой борьбы»¹.

Буржуазная демократия позволяет широким массам создавать свои политические, профессиональные и другие организации, дает возможность на легальной основе бороться против всевластия монополий.

В современных условиях борьба трудящихся за сохранение демократии, против установления открытых форм диктатуры монополистического капитала приобретает особое значение. Наступление на демократию ведется ныне не только и не столько в экстремистских формах, сколько с применением «мягких» методов, патерналистских приемов и либеральной фразеологии.

Кризис, переживаемый западным обществом, заключается в том, что стремление подменить демократию реакцией по всем линиям, зачастую в скрытой форме, сохраняется, а в ряде случаев и усиливается. Одновременно с кризисом буржуазной демократии, ее свертыванием, прямым нарушением ее принципов правящими классами внутри империалистических стран и в международных отношениях происходит «размягчение» буржуазной законности, замена ее империалистическим произволом, террором и беззаконием. Наряду с этим капитализм пытается приспособиться к новым условиям классовой борьбы, использовать механизм буржуазной демократии в своих интересах.

При анализе буржуазной демократии следует иметь в виду, что отношения внутри самого класса капиталистов характеризуются достаточно острыми конфликтами и борьбой, что демократический идеал и ценности сохра-

¹ Советская ассоциация политических наук. Ежегодник: 1975. М., 1976, с. 79.

няют свою привлекательность не только для трудящихся масс, но и для достаточно многочисленных представителей «властвующей элиты». Распространенность ценностей буржуазной демократии, приверженность масс к либеральным свободам позволяют правящему классу, который идентифицирует демократию и капитализм, обеспечивать достаточно широкую социальную поддержку существующему status quo.

Одной из особенностей механизма господства буржуазии является его способность втягивать в сферу своего влияния (и даже в свой состав) организации и учреждения, которые выражают интересы не буржуазии, а других классов и слоев, и использовать их в собственных целях¹.

Основные институты буржуазной демократии и их кризис на современном этапе

Для того чтобы картину кризиса показать наиболее рельефно, лектор должен исходить из необходимости предметного подхода к отдельным институтам и компонентам политической системы и буржуазной демократии капиталистического общества, показывая их разложение и загнивание.

Основным институтом политической системы является **государство**, в свою очередь, состоящее из ряда функциональных подсистем — законодательной, исполнительной и судебной. Кроме этого, политическая система включает в себя и многие другие политические структуры, которые осуществляют функции, жизненно необходимые для ее существования. Такие структуры могут не иметь специальных атрибутов принуждения, но именно через них формируются отношения между политической властью и обществом, субъектами и объектами управления. Через их посредство все члены общества в той или иной мере вовлекаются в политическую жизнь, с их помощью выдвигаются политические цели, на них больше всего основана динамика политической жизни. К таким

¹ См.: Буржуазная демократия: миф и реальность, с. 7.

структурам принадлежат партии, профсоюзы, союзы предпринимателей, общественно-политические организации, так называемые группы давления и группы интересов, различные социальные и партийные фонды и т. д.

Буржуазное государство, выражающее волю господствующего класса, нельзя, однако, рассматривать только как механизм для исполнения одних лишь «велений капитала». Такая оценка была бы поверхностной и ошибочной. Лектор должен исходить из положения К. Маркса о классовом государстве, деятельность которого заключается также и в «выполнении общих дел, вытекающих из природы всякого общества», и в осуществлении «специфических функций, вытекающих из противоположности между правительством и народными массами»¹. Важно также, что в деятельности государства проявляется не только общий интерес правящего класса, но и влияние отдельных групп в рамках этого класса. На современное буржуазное государство сильный отпечаток накладывает и борьба трудящихся во главе с рабочим классом.

Всесторонний анализ государства может быть проведен лишь на основании четкого понимания его социального назначения, организационной структуры, отношений с обществом, классами, нациями и т. д., а также правильного определения его особых, специфических функций, возможностей, прав и полномочий по сравнению с другими социальными институтами.

При всем политическом весе и влиянии тех или иных партий, институтов политического господства и социального контроля решающую роль в механизме классового господства буржуазии играет государство и его аппарат. Поэтому со всей определенностью можно говорить об относительной самостоятельности государства в политической организации современного буржуазного общества. Огромный рост государственного аппарата в развитых капиталистических странах (по сравнению с началом века он увеличился в 5—10 раз, а по сравнению с серединой XIX в. — в 15—25 раз), усиление экономической, политической и идеологической мощи современного государства, расширение его социальных функций — эти и другие факторы указывают на повышение роли государства в буржуазном обществе.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 25, ч. 1, с. 422.

В различных политических режимах роль государства проявляется по-разному, колеблясь от абсолютного подчинения общества партийной и полицейско-бюрократической машине при фашизме до регулирующей функции государства в экономике и значительного его влияния на все другие сферы общественной жизни при парламентарном режиме.

Характерная черта современного буржуазного государства состоит в том, что оно берет на себя выполнение функций, охватывающих интересы большинства слоев общества, а также регулирование отношений между различными группировками и индивидами внутри господствующего класса. Кроме того, развиваются функции, связанные со все возрастающей властью государственного аппарата. Наряду с функцией регулирования экономики появилась функция регулирования социальных отношений, связанная с попытками смягчить классовые антагонизмы, взять на себя роль арбитра во взаимоотношениях между трудом и капиталом, расширить законодательство в области социальных отношений.

Расширение функций буржуазного государства привело к невиданному развитию бюрократического чиновничьего аппарата, превратившегося в гигантскую машину со своей иерархией, своими нормами поведения, с особой дисциплиной и привилегиями. В этих условиях раздутый государственный механизм, отгороженный от общества системой норм, правил, предрассудков, отражающий, кроме всего прочего, известную специализацию труда в рамках общества, не может не приобрести тенденцию к самостоятельности и независимости. Тенденция к известной самостоятельности такого аппарата выражается также в усложнившейся процедуре формулирования политики и принятия решений.

Коренные интересы верхушки многочисленного слоя людей, работающих в государственном аппарате, как правило, не выходят за рамки интересов господствующих классов. Высшее чиновничество, само существование которого связано с сохранением строя, основанного на частной собственности, призвано обслуживать этот строй. Вместе с тем оно имеет свои специфические интересы, которые могут не совпадать с интересами той или иной части буржуазии. Например, промышленная бюрократия государственных предприятий заинтересо-

на в расширении числа предприятий и в целом государственного сектора экономики, что может не совпадать с интересами отдельных монополистических объединений и вызывать конфликты между этими группами.

Марксистская наука отвергает попытки рассматривать государственный аппарат как сплошную нерасчлененную массу, однозначную с точки зрения состава и политических настроений. Находясь на службе у правящего класса, государственный аппарат, как и все буржуазное общество, состоит из различных слоев, подверженных в той или иной степени влиянию разных политических сил, действующих в рамках этого общества. С некоторой условностью структуру государственного аппарата можно рассматривать по вертикали (имея в виду его иерархическую организацию, отраженную в структуре должностей и окладов), и по горизонтали (имея в виду структуру функций, выполняемых теми или иными сферами государственного управления).

Понимание государства как центрального звена политической надстройки капитализма обусловлено тем, что политическая власть капитала как власть меньшинства над большинством невозможна без принуждения, носителем которого была и остается государственная машина. Никакие другие звенья механизма диктатуры монополий не могут заменить собой основные атрибуты этой власти — военно-политический, административно-бюрократический и судебный аппарат. При этом наряду с прогрессирующим усложнением механизма политической власти, возрастанием роли и «разбуханием» государственной машины действует тенденция к сужению «круга фактических правителей» — тех социальных сил, которым принадлежит реальная политическая власть.

Анализируя социальную сущность государства, его классовую природу, ошибочным было бы ограничиваться указанием на политическое господство класса буржуазии как такового. Выявляя соотношение феноменов «класс буржуазии — монополистический капитал — государство», необходимо подчеркнуть, что ныне центр тяжести несомненно перенесен с его первого элемента на второй. Важно отметить и то, что в рамках буржуазной демократии увеличивается относительная самостоятельность государства и по отношению к монополистическим слоям. Разумеется, этот процесс не носит односторонне-

го характера — одновременно укрепляется их союз, происходит сращивание государственного аппарата с элитой делового мира¹.

Помимо сращивания, имеются и другие косвенные формы воздействия монополий на государство, прежде всего через различные элементы политической системы — институты и организации. Для осуществления своего влияния на государство монополии используют политические партии, профессиональных политических деятелей, финансируют разнообразные организации, мероприятия (кампании, выборы и т. д.). Представители крупного капитала устанавливают прямые и непосредственные контакты с членами парламентов и правительств. Они обладают огромными средствами для воздействия на политическое поведение масс. В их руках находятся печать, радио, телевидение, реклама, они опираются на поддержку церкви и клерикальных организаций.

Государственный механизм функционирует в конкретных правовых формах, поскольку материальные интересы правящих кругов и «политическая логика» классового подавления не требуют иного. В то же время имеется целый ряд признаков, свидетельствующих о существовании в западных обществах авторитарных тенденций. К ним, по справедливому указанию советских юристов В. Е. Гулиева и Э. Л. Кузьмина, относятся:

— формально-юридические, а также практические ограничения и дискриминация по причинам социально-политического, расового, этнического и другого характера;

— ущемление юридических и фактических прав левых, в том числе коммунистических и рабочих, партий и организаций;

— стремление к сохранению «архаических» авторитарных форм правления, а также наличие олигархических и элитистских тенденций в условиях республиканских демократических режимов;

— усиление фактических функций и прерогатив институтов исполнительной власти административно-бюрократической машины и снижение значения представительных органов государства;

¹ См.: Политический механизм диктатуры монополий. М., 1974, с. 13—15.

— введение в ряде стран «чрезвычайного законодательства»;

— разрешение деятельности правых и ультраправых организаций.

Монополистической буржуазии, стремящейся выхолостить демократические институты, противостоит мощная социальная сила — рабочий класс, непролетарские трудящиеся классы и слои. Эксплуатируемым классам далеко не безразлично, при каких именно политических формах они живут и борются. Рабочий класс критикует буржуазную демократию вовсе не для того, чтобы сменить ее на бонапартизм, военно-политическую диктатуру или фашизм. Поэтому в новейшую эпоху все шире разворачивается борьба рабочего класса и всех других прогрессивных социальных слоев за сохранение и расширение буржуазно-демократических институтов, против линии монополистического капитала, ведущей к реакции, к свертыванию, разрушению демократии.

Другими словами, авторитарные тенденции в развитии политического механизма «индустриального общества» порождают противоположные демократические течения, что, в свою очередь, обостряет отношения между классами. В целом, принимая во внимание борьбу противоположных тенденций, политический строй основных капиталистических государств можно охарактеризовать как ограниченную демократию.

В этой связи можно указать на следующие характерные черты современной буржуазной демократии:

1) законодательное провозглашение и частичное осуществление буржуазно-демократических прав и свобод и даже расширение некоторых прав, в первую очередь социально-экономических;

2) многопартийность, предполагающую сменяемость партий у власти, и партийную оппозицию, которые являются препятствиями на пути авторитарных устремлений;

3) легальные возможности деятельности партий и организаций трудящихся масс;

4) важную роль выборов в формировании органов государственной власти, что заставляет ее представителей до известной степени считаться с общественным мнением;

5) формальное признание принципа разделения вла-

стей и главенствующей роли представительных органов в системе государственных институтов¹.

Парламент. Важное значение для анализа западной демократии имеет исследование явлений, получивших в советской политической науке название кризиса буржуазного парламентаризма или реакционных тенденций в развитии исполнительной власти.

Среди центральных институтов власти прежде всего следует выделить законодательные органы, являющиеся по своей форме представительными учреждениями. Преимущественно в них буржуазная демократия находит свое политическое выражение, через них формируется воля господствующего класса. Советский государствовед А. А. Мишин определяет буржуазные представительные учреждения как коллективные выборные органы государства, наделенные нормотворческими, финансовыми и контрольными полномочиями и действующие только в условиях буржуазно-демократического режима. Именно представительные учреждения придают буржуазному государству организационные и правовые формы.

Однако и здесь налицо элементы кризиса, так как фактический, реальный статус парламентов в буржуазных демократиях намного ниже их формально-правового статуса. Их роль в государственном управлении в целом второстепенна. «Подчиненное положение представительных учреждений во всех буржуазно-демократических государствах — факт бесспорный, но конкретные формы этого подчинения, его степень и методы сугубо национальны и меняются с каждой государственной границей»².

Осуществление господства монополистического капитала над парламентом осуществляется несколькими путями: избранием в парламент представителей крупной буржуазии, деятельностью «групп давления», финансированием политического функционирования парламентариев и т. д. В США, например, уже давно пачка долларов стала самым мощным аргументом для «слуг народа», чтобы заставить их принять или отвергнуть тот или

¹ См.: Политический механизм диктатуры монополий, с. 20.

² Мишин А. А. Государственное право буржуазных стран. М., 1976. с. 158.

иной законопроект. Только в ходе последних выборов в конгресс США различные корпорации и торговые ассоциации вложили 11 млн. долл. в избирательные кампании членов конгресса США. Многомиллионные пожертвования идут на помощь в выборах именно тех конгрессменов, которые затем будут заниматься вопросами налогообложения.

Для современного буржуазного общества характерен «закат парламентаризма». Неэффективность (с точки зрения монополистического капитала) деятельности парламента обусловлена целым рядом причин. Во-первых, интенсивное развитие государственно-монополистического капитализма привело к процессу «министерIALIZации», т. е. усилению власти правительства за счет прерогатив парламента. Во-вторых, происходит сращивание аппарата монополий с государственным механизмом. Прежде всего наиболее значимо слияние монополистического капитала с правительственной властью, верхушкой бюрократического аппарата, что проявляется в узурпации парламентарских прерогатив кабинетом и другими неконституционными органами. Особенно «неудобным» стал для правящих классов парламента в тех странах, где в нем много представителей коммунистических и рабочих партий.

Ограничение роли парламента в области законодательства проявляется в передаче правительству правотворческих функций посредством «законодательства в силу конституционных полномочий», делигированного законодательства в собственном смысле слова и издания «бланкетных законов» с последующей детализацией их общих принципов. В сфере законотворчества деятельность парламента ограничивается также развитием конституционного, прежде всего судебного конституционного надзора. Этот институт, существовавший в начале века лишь в США, получил сегодня широкое распространение и в других западных странах.

Весьма серьезно ограничивает права парламента так называемое чрезвычайное законодательство, введенное, например, в ФРГ. Благодаря «чрезвычайным законам» создается возможность для перехода всей полноты власти в руки правительства. Снижает роль парламента и усиление влияния парламентарских комиссий, комитетов, подкомитетов, которые часто подменяют парламента, вы-

ступают от его имени. Различные группировки монополистической буржуазии небезуспешно используют их в своих интересах, поскольку последние обладают известной независимостью и контроль за их деятельностью со стороны парламентариев не очень строг.

Нынешний этап эволюции парламентаризма отмечен бюрократизацией самих представительных учреждений. Зачастую чиновники, специалисты, эксперты, обслуживающие парламент, имеют гораздо большее влияние на процесс принятия решений, чем сами депутаты.

Необходимо отметить еще один аспект кризиса буржуазного парламентаризма: отсутствие права отзыва и императивного мандата, что делает парламент в целом и каждого депутата в отдельности практически независимыми от избирателей.

Таким образом, политическое и идеологическое значение парламента как своеобразной арены подведения итогов конкурентной борьбы, проведения избирательных кампаний, а иногда и оценки наиболее важных решений правительства снижается из-за незначительной роли парламента в сфере государственного управления и принятия политических решений, а также из-за относительного падения его веса даже в такой области, как право творчество.

Однако буржуазия отнюдь не склонна отказываться от использования в своих целях представительных органов. В зависимости от конкретной политической обстановки и исторических традиций господствующие круги в той или иной степени сохраняют опору на парламент как на одно из важных средств реализации своих интересов. В отдельных странах даже существует тенденция к повышению роли представительных учреждений. В качестве примера можно указать на роль парламента в небыстром «Уотергейтском деле» в период власти второй администрации Р. Никсона, приведшем в конце концов к отставке президента.

Противоречивость и сложность проблем западного парламентаризма объясняется «неоднородностью буржуазии как класса, известной борьбой ее отдельных групп и течений... Они все еще в нем видят орган, который помогает, с одной стороны, выработать общую классовую волю буржуазии, придавать ей «общенациональное» звучание, облекая в форму государственных законов, а

с другой — отвлекать народные массы от борьбы за социальное освобождение, направляя их усилия по рельсам во многом безвредных для монополистов парламентских дискуссий»¹. При этом обращается внимание и на другую сторону буржуазного парламентаризма; наряду с тенденцией превращения парламента в уравнивающую силу в отношениях конкурирующих групп монополистического капитала существует и тенденция к использованию парламента как арены борьбы трудящихся за демократию, борьбы с диктатурой монополий. Дialectика развития такова, что именно активная политическая борьба широких масс, возглавляемая коммунистическими и рабочими партиями, служит главным препятствием на пути реакционных посягательств на парламентаризм.

Правительство. Можно сказать, что авторитарные и, следовательно, кризисные тенденции в государственно-политической жизни буржуазного общества больше всего проявляются в расширении полномочий правительственных органов и усилении исполнительной власти. В капиталистических странах отмечаются рост и укрепление аппарата исполнительной власти, развитие неконституционных органов, бюрократизация правительственных институтов, упрочение власти и роли главы государства.

Определенное влияние на этот процесс оказывает форма правления. Так, в президентских республиках, особенно там, где президент является одновременно главой государства и главой правительства, усиление системы органов исполнительной власти происходит интенсивнее, отчетливее, заметнее. Вместе с тем усиление политической роли исполнительной власти в современных буржуазных государствах, сопряженное с ограничением конституционных прав и уменьшением влияния парламента на решение важнейших политических проблем, отражается на изменении положения главы исполнительной власти, который становится наиболее важным звеном всего правительственного механизма.

Мощь и влияние правительств современных буржу-

¹ Кузьмин Э. Л. Идеологическое банкротство буржуазной демократии: Вопросы демократии в политико-правовой доктрине империализма. М., 1977, с. 163.

азных государств коренятся в их теснейшей связи с господствующими в условиях государственно-монополистического капитализма социальными силами, а также в наличии разветвленного и мощного аппарата министерств и иных органов управления, сконцентрировавших в своих руках политико-принудительный потенциал государства. Важно и то, что органы исполнительной власти развитых буржуазных стран имеют в своем распоряжении достаточно большой арсенал средств для ограничения контроля за деятельностью высших представительных органов. К таким средствам относятся: формирование аппарата исполнительной власти «внепарламентским путем», возможность роспуска парламента и назначение досрочных выборов, блокирование законодательных актов и затягивание исполнения законов, применение права вето главой государства и т. д.

Процесс развития буржуазного государства способствует необычайному возрастанию роли административных учреждений. В свою очередь, интенсивный рост их числа и значения привел к тому, что органы исполнительной власти начали становиться главными орудиями политической диктатуры буржуазии, появился ряд новых правительственных учреждений, наделенных полномочиями по регулированию хозяйственной и социальной сфер деятельности буржуазного общества. Расширилась также и компетенция ранее существовавших правительственных учреждений. В связи с этим административные учреждения получают широкие нормотворческие и судебные полномочия.

В ходе перестройки буржуазного государственного механизма, в особенности механизма исполнительной власти, происходит своеобразная административно-управленческая революция: создаются совершенно новые административные органы, наделенные монопольной компетенцией, деятельность которых обществу все труднее контролировать в традиционных структурах капиталистического государства¹.

Количественный рост чиновничье-бюрократических слоев — одно из постоянно действующих направлений в развитии аппарата управления буржуазного общества в

¹ См.: Актуальные проблемы буржуазного административного права. М., 1984, с. 5.

условиях государственно-монополистического капитализма.

С расширением функций буржуазного государства в таких областях, как наука и техника, экономика и идеология, соответственно усложнились и функции чиновничества, что, в свою очередь, вызвало его абсолютный и относительный количественный рост. Это коснулось всех категорий государственных служащих, отразилось на всем государственном аппарате.

Прогрессирующий рост численности кадров государственного аппарата влечет за собой целый ряд различных социальных последствий, например, существенно повышается роль авангарда правящего класса — чиновников — в поддержании существующей системы эксплуатации основных масс населения. Вместе с тем рост численности буржуазного государственного аппарата приводит к его внутреннему социальному расслоению, усиливая социальную дифференциацию в системе государственной службы. В государственном аппарате возрастает число специалистов научного и инженерного профиля, а также количество служащих, занятых на государственных промышленных предприятиях.

Этот процесс приводит к показу важнейшего внутреннего противоречия, характерного для политической системы капитализма в условиях его общего кризиса. С одной стороны, государственный аппарат — звено, призванное играть решающую роль в политической охране капиталистической системы, чему, в свою очередь, должен способствовать определенный политико-идеологический подбор бюрократического аппарата. С другой стороны, расширение функций государства, в частности развитие экономической функции и привязанного к ней управленческого аппарата, ведет к тому, что в государственном аппарате возрастает удельный вес служащих, интересы которых потенциально расходятся с установками и политикой господствующих кругов¹.

Таким образом, одновременно с усилением роли, отведенной государственному аппарату в охране буржуазного строя, проявляется и обратная тенденция — сам аппарат становится ареной классовых расслоений.

Выход из этого противоречия господствующая бур-

¹ См.: Буржуазная демократия: миф и реальность, с. 23.

жуазия видит прежде всего в усилении власти верхушки государственного аппарата — особой бюрократической элиты, большую часть которой составляют выходцы из привилегированных слоев буржуазного общества. Многие политические деятели в западных государствах характеризуют свои правительственные кабинеты как «правительства большого бизнеса». Так, например, согласно официальным данным, из 13 министров — членов правительства США 8 обладают состоянием, превышающим миллион долларов, а остальные близки к тому, чтобы стать миллионерами¹.

Традиционные различия между исполнительным аппаратом государственного управления и правительством как политическим органом перед лицом возрастания политической роли бюрократии («политократии») все более отходят на задний план. «Политократия», вышедшая еще в большей мере, чем правительство, из-под контроля парламента, фактически освобожденная и от других форм демократического контроля, сосредоточивает в своих руках огромную власть в общегосударственном масштабе. Возрастает, в частности, ее влияние на законодательный процесс.

Бюрократический аппарат во все времена обеспечивал не только повседневную работу механизма исполнительной власти и реализацию ее задач, но подчас и определял преимущество ее функций. Ныне роль высших чиновников и служащих возрастает и по отношению к руководителям министерств и ведомств. Дело в том, что эти посты обычно занимают политические деятели, сменяемые в результате выборов, тогда как специалисты-чиновники остаются на своих местах. В ряде стран существует даже особый институт заместителей министров и статс-секретарей, являющихся по должности членами правительства. Именно они практически вершат государственные дела, оказывают решающее воздействие на процесс принятия управленческих решений.

Традиционная буржуазная концепция отделения политики от управления, «беспристрастности» и «нейтральности» чиновничества широко используется для того, чтобы бюрократическая верхушка могла удерживать в

¹ См.: Корионов В. «Демократия» без румян. — Правда, 1985, 6 октября.

повиновении нижестоящие звенья чиновничьей иерархии, обособить массу чиновников от политического движения, от активного участия в политической борьбе. К гражданским служащим предъявляются требования лояльности, верности, политической нейтральности, внепартийности. Кроме того, во всех капиталистических странах проводятся систематические кампании по чистке государственного аппарата и проверке лояльности государственных служащих.

Исторические различия в процессе возникновения, эволюции чиновничества и поныне сохраняют известное значение, но в целом происходит их нивелировка, и институты государственной службы в основных капиталистических странах и в политическом и в юридическом аспектах сближаются между собой. Этому в известной степени способствовали проведенные во многих капиталистических странах реформы государственной службы, направленные на то, чтобы привести этот институт в соответствие с процессом развития государственно-монополистического капитализма, с новым соотношением сил на политической арене.

Общие черты указанных реформ в основном сводятся к следующему. Во-первых, укрепляется механизм централизованного руководства государственной службой и координации ее деятельности, усиливается централизованное руководство государственной службой, а также создаются органы специальной компетенции, на которые возлагаются задачи по руководству государственной службой. Во-вторых, активизируется процесс обмена между государственным аппаратом и аппаратом монополий и вводятся его новые формы. В-третьих, принимаются меры по усилению профессионализации и специализации государственной службы. В-четвертых, принимаются меры по рационализации управленческого труда и внедрению новых методов и техники управления.

Таким образом, рост числа правительственных учреждений и чиновничьего бюрократического аппарата приводит к отрыву механизма управления от эффективного публичного контроля, делает его недоступным для широких народных масс.

Федерализм и местное управление. При рассмотрении различных аспектов кризиса государственного управле-

ния в современных буржуазных странах определенное внимание следует уделить федерализму и местному управлению как объектам кризисных тенденций в буржуазных демократиях¹.

Буржуазный федерализм есть особая политико-организационная структура, призванная не допустить как полного разрыва связей между отдельными частями государства, так и полной централизации, поглощения этих частей. Необходимость федеративной формы государственного устройства диктуется широким комплексом экономических, политических, национальных, религиозных, культурных, социально-психологических и географических факторов. Известную роль играют также исторические особенности и традиции.

Однако надо отметить, что в результате усиления институтов центральной власти, бюрократизации государственного аппарата и образования новых центров экономического господства буржуазии значение принципов федерализма в политической жизни федеративных государств снижается.

Усилению центростремительных тенденций способствует возрастание хозяйственной централизации и концентрации монополистического капитала, развитие общенациональных монополий, укрепление органов центральной власти, их бюрократизация, создание различного рода федеральных учреждений для регулирования отношений между субъектами федерации. Существование крупных общенациональных массовых партий также оказывает воздействие на центростремительные тенденции (правда, в местных организациях этих партий могут проявляться и противоположные тенденции).

В то же время определенные круги монополистической буржуазии, влияние которых ограничивается пределами штата или провинции, а также мелкая и средняя буржуазия, понимающие, что укрепление в общегосударственном масштабе наиболее могущественных моно-

¹ В современной западной политической и государственной науке федерализм и местное самоуправление, другие формы организации управления в различных населенных пунктах наряду с многопартийностью, взаимодействием множества заинтересованных групп, разделением властей и т. п. рассматриваются как важные элементы плюралистического принципа и демократизма политической системы буржуазного государства.

полней представляет для них большую потенциальную опасность, активно противодействуют процессу централизации. На развитие центробежных тенденций значительное влияние оказывают также местные, партикуляристские идеи и настроения в организационных подразделениях массовых общенациональных партий, возникновение местных партий, появление националистических и этнических сепаратистских движений в поддержку локальной автономии.

В крупных буржуазных государствах сохранение федерализма во многом обусловлено географическими факторами. В ряде стран важным условием существования федерализма служит психология населения, его приверженность историческим традициям как страны, так и данного субъекта федерации. Комплексное воздействие партикуляризма нередко оказывается настолько сильным, что становится серьезным препятствием на пути расширения полномочий федеральных властей. Естественно, что это находит отражение в программных установках и практической политике некоторых крупных общенациональных партий. Сосуществование двух противоположных тенденций в федеративных буржуазно-демократических государствах, безусловно, подрывает устойчивость федерализма, добавляет новые акценты в кризис буржуазного управления.

Идеологическим выражением противоречивости федеративной формы государственного устройства является концепция «кооперативного федерализма». Суть ее заключается в том, что главной чертой федерализма одновременно признаются взаимозависимость и кооперирование между правительствами центра и членами федерации («вертикальная кооперация»), а также между отдельными субъектами федерации («горизонтальная кооперация»).

Расширению полномочий центральной власти и соответствующему ограничению автономных прав субъектов федерации способствует деятельность федеральных финансовых и судебных органов. Так, например, решения высших судебных органов при столкновении центральных и местных интересов нередко направлены на подтверждение верховенства федеральных властей.

Характерная особенность федеративных государств состоит в наличии особой палаты парламента, представ-

ляющей интересы составных частей федерации. Еще больше усиливает воздействие на эту палату механизм общенациональной партийной системы, что ведет к ухудшению «качества» представительства региональных и местных интересов. В некоторых буржуазных федерациях вообще отсутствует равное представительство всех ее субъектов. Что же касается конституционного разделения компетенции между центральной властью и субъектами федерации, то полномочия последних всегда законодательно серьезно ограничены.

В последнее время в политической и государствоведческой литературе возрос интерес к проблеме буржуазного местного самоуправления. Выборы местных органов власти, деятельность муниципальных представительных учреждений, различные формы прямой демократии, связанные с самоуправлением, — все эти важные традиционные институты ближе и доступнее широким народным массам, более подвержены их влиянию, чем другие учреждения государственной власти.

В современных условиях заметно усложнилась структура и изменились функциональные характеристики муниципальных органов буржуазного государства. Изменения в муниципальном управлении в первую очередь связаны с особенностями осуществления политической власти господствующим классом буржуазного общества. С одной стороны, муниципализм представляет достаточные возможности для локализации социально-политических конфликтов, с другой — правящие круги на этом уровне охотнее идут на некоторые «необходимые» уступки трудящимся. Другими словами, монополистическая буржуазия предпочитает проводить реформы локального уровня, чем реформы на высшем центральном уровне власти.

Кроме того, на деятельности муниципалитетов сказывается политика экономического интервенционизма. Регулярное государственное вмешательство в экономическую жизнь, внесение изменений в формы и методы школьного обучения, развитие инфраструктуры, коммунальных и санитарных служб, контроль за застройкой городских территорий, охрана окружающей среды, диктовавшиеся потребностями правящего класса, привели к повышению роли муниципальных органов в экономической и социальной сферах.

Возрастающее значение органов местной власти, однако, нельзя объяснить лишь «уступчивостью» буржуазии и государственной политикой интервенционизма в экономике. Демократические, антимонополистические силы во главе с рабочим классом в борьбе за политические преобразования, улучшение условий труда, коммунального и социального обслуживания вынудили господствующий класс пойти на уступки трудящимся.

Муниципалитеты являются одним из важнейших инструментов государства в деле осуществления социальной политики, а правящие круги нередко используют органы местной власти для решения различных общественных конфликтов. В той мере, в которой буржуазии удастся использовать «муниципальную демократию» в своих интересах, она выступает за сохранение ее институтов. Однако в целом отношение «властвующей элиты» к «муниципальной демократии» двойственно, поскольку она опасается завоевания власти в органах местного самоуправления левыми силами.

Партии. В каждом буржуазно-демократическом государстве партийная структура общества (наличие определенных партий, их характер, позиции по отношению к государственной власти, влияние их на массы) примерно передает сложившуюся расстановку классовых сил, в основе которой лежит национальная социальная структура. Но политическое лицо общества не простая проекция его национально-социального состава, поскольку в нем отражается и ряд других специфических факторов. Так, нередко в буржуазных партиях их узкая социальная опора и классовая роль не совпадают. По структуре партий можно проследить также и внутреннюю дифференциацию правящего класса: одному и тому же классу на политической арене зачастую соответствует несколько буржуазных партий.

Политическая позиция отдельных классов опосредуется классовым самосознанием через буржуазную идеологию и мировоззрение. В свою очередь, идеологическая атмосфера в обществе зависит от наличия и остроты классовых противоречий, исторически сложившихся идейных приоритетов и влияний, национальных особенностей и традиций. В результате развертывания классовой борьбы происходят изменения в партийной структуре общества. Политические кризисы, войны и революции

взрывают ее, но и после этого следы прежней структуры сохраняются и накладывают отпечаток на новую, устанавливающуюся после пережитого страной социально-политического потрясения.

Поэтому необходимо специально изучать партийную структуру той или иной страны как некий самостоятельный (разумеется, в известных пределах) объект. Исследование этого объекта в динамике помогает выяснить роль экономических, социальных, историко-политических, идеологических и социально-психологических факторов в формировании общей внутривнутриполитической ситуации, а также обратное воздействие сложившейся партийной структуры на развитие классовой, в первую очередь политической борьбы. Рассмотрение партийной структуры не как простой суммы отдельных партий с их характеристиками, а как целостного механизма позволяет уяснить своеобразие политической обстановки данной страны, взаимосвязь тенденций, проявляющихся на разных «полюсах» общества.

В структуре политической власти империализма партийная система не просто сосуществует и взаимодействует с государственным механизмом, а составляет его органическую часть. Она превратилась в конститутивный фактор формирования законодательных органов, правительства и в ряде случаев — главы государства.

Современному западному обществу известны три основных типа партийных систем. Первый — партийная система, основанная на монополии буржуазных партий. Это достигается либо путем запрещения рабочих партий, либо установлением двухпартийной системы, препятствующей образованию самостоятельной крупной рабочей партии.

Второй — партийная система (она может быть двухпартийной или многопартийной), в которую интегрированы социал-демократические партии, допускаемые к правительственной власти на началах коалиции или в качестве «самостоятельных» правящих партий.

Третий — однопартийная система в условиях тоталитарного режима. Обычно такие партии построены по «вождистскому» принципу, на основе строгой иерархии и подчинения.

В основных капиталистических странах существуют как многопартийные, так и двухпартийные системы, при-

чем только в США партийная система не включает в себя социал-демократическую партию.

После второй мировой войны буржуазная многопартийность в странах Западной Европы претерпела существенные изменения (осталась в своей основе стабильной лишь двухпартийная система США). 50-е годы и начало 60-х годов характеризовались здесь явно выраженной тенденцией к созданию и консолидации крупной партии монополистического капитала — постоянного носителя власти. Делались также попытки так организовать управление, чтобы несмотря на наличие нескольких партий, в стране установилось нечто вроде однопартийности. Все чаще складывалось такое положение, что доминировала одна партия и вопрос о числе буржуазных партий, по существу, терял свое значение, ибо остальным партиям отводилась лишь подсобная роль при парламентских избирательных комбинациях, призванных сохранить у власти главную партию капитала, например ХДС в ФРГ, ХДП в Италии, ЮДР во Франции, ЛДП в Японии, консерваторов в Англии.

Классическая буржуазная многопартийность предполагала смену партий у «руля правления». Это помогало маскировать власть капитала, но было сопряжено с существенными неудобствами (сравнительно частая смена правительств, обострение межпартийных разногласий и т. д.). В послевоенной Европе в силу исторически сложившихся обстоятельств выгоды, связанные с пребыванием у власти одной, главной партии капитала, перевешивали преимущества классической системы. В условиях обострения классово-борьбы, активизации рабочего класса буржуазия предпочитает иметь свою собственную крупную партию, противопоставляя ее партиям рабочего класса, прежде всего коммунистическим, и даже пользующимся определенным влиянием реформистским партиям. Важно подчеркнуть, что при этом правосоциалистическим партиям отводится роль постоянной оппозиции. Подобная система в советской научной литературе получила название полупартийной.

К середине 60-х годов сложилась несколько иная ситуация, и тенденция к установлению однопартийной или полупартийной системы сменилась тенденцией к преобладанию двухпартийной системы с ее принципом «качелей», т. е. чередованием двух ведущих партий у

власти. Это означает, что правящим кругам стран Западной Европы в новой социально-политической обстановке не удалось добиться достаточно устойчивого преобладания и монополии власти одной партии и поэтому им вновь приходится обращаться к двухпартийным вариантам. Однако такая тенденция не предполагает полного отказа буржуазии от ставки на укрепление позиций своей главной партии.

Специфика государств Западной Европы по сравнению с США состоит в том, что в Англии, ФРГ, Австрии, Швеции и некоторых других странах компонентом двухпартийной системы является сильная социал-реформистская партия. Сама возможность такого положения, его приемлемость для монополистического капитала обусловлены возросшей степенью интеграции социал-демократии в западную государственность.

Характерная черта развития системы буржуазной демократии на нынешнем этапе состоит в возрастании роли политических партий, хотя процесс этот не однолинеен и зависит от конкретно-исторических условий отдельных стран

Следует подчеркнуть, что «закат парламентаризма» совсем не обязательно влечет за собой умаление значения партийной системы, хотя традиционно она рассматривалась как важный элемент парламентаризма. Наоборот, как показал пример Пятой республики во Франции, роль партийной системы может даже увеличиваться за счет влияния самого парламента. Но это уже дополнительные аспекты кризиса современной буржуазной демократии.

Возрастание роли политических партий в системе буржуазной демократии обусловлено рядом факторов:

1) тем, что буржуазная партийная система выступает в качестве своеобразного трансформатора, призванного приспособить всеобщее избирательное право к задаче сохранения политической власти монополий;

2) усилением роли идеологического фактора и превращением партий в одно из важнейших средств идеологического воздействия на массы и манипулирования политическим поведением масс;

3) ростом сознательности и политической активности масс, что заставляет монополистический капитал, с одной стороны, пытаться ввести эту активность в рамки

своей партийной системы, а с другой — противопоставить свою партийную систему фронту коммунистических и рабочих партий и организаций.

В политической системе буржуазного общества партии представляют собой организации особого рода. Их специфической чертой является участие в борьбе за непосредственное влияние на механизм осуществления государственной власти в целях использования его в интересах тех классов, чью волю выражают данные политические партии. Именно этим партии прежде всего отличаются от иных организаций социального, экономического, культурного и другого характера (таких, например, как профсоюзы, предпринимательские союзы и т. д.), широко известных в буржуазной науке как «группы давления», или «группы интересов». Последние также участвуют в общественно-политической жизни, и порой весьма активно, что видно на примере роста экологических движений, образовавших в последнее время даже свои партии. Однако они преследуют более узкие, конкретные задачи социально-экономического характера, их воздействие на государственные институты осуществляется в более скрытых, завуалированных формах.

Для партий, как правило, характерно наличие программных установок, определяющих основные направления и цели использования механизма государственной власти, уставов, закрепляющих принципы их организации и нормы внутрипартийной жизни. Конкретные организации отдельных партий весьма разнообразны. Наряду с сильными, массовыми, хорошо организованными политическими партиями с четко определенной идеологической и политической линией имеется немало весьма слабых аморфных организаций, не имеющих развернутых программ и стройного аппарата.

В большинстве случаев политические партии отличаются разнообразием своего социального состава. Было бы ошибочным полагать, что партии монополистической буржуазии состоят преимущественно из крупных предпринимателей, банкиров и менеджеров. Их членами и сторонниками могут быть рабочие, фермеры, служащие и т. д. Партийные границы, таким образом, довольно часто не совпадают с классовыми, социальными границами. Однако политические партии при этом не теряют своей классовой сущности вопреки многочисленным по-

пыткам буржуазных теоретиков доказать обратное, изобразить политические партии надклассовым институтом, якобы представляющим народ в целом и способствующим сглаживанию и разрешению социальных противоречий.

Отстаивая интересы господствующего класса, буржуазные политические партии тем не менее различаются во взглядах на методы и способы обеспечения господства буржуазии. Одни полагаются на демократические методы, другие отдают предпочтение насильственным, диктаторским способам управления, что находит свое отражение в программных установках, структуре, формах деятельности соответствующих политических партий. С данной точки зрения следует различать партии буржуазно-демократические и партии авторитарного, диктаторского характера.

Своеобразную роль в западных политических системах играют социал-демократические партии, которые поддерживает значительная часть рабочего класса. Их программную основу составляет теория трансформации капиталистических отношений в социалистические с помощью отдельных частных реформ. На практике это выливается в соглашательство с буржуазными партиями.

Приспособление буржуазных и социал-реформистских партий к современному этапу развития западного общества потребовало соответствующих изменений в их структуре. Поскольку монополистические круги прежде всего связаны с руководящей верхушкой партии и поскольку в рамках самих партий, особенно правосоциалистических, увеличиваются расхождения между их лидерами и рядовыми членами, постольку они заинтересованы в том, чтобы усилить авторитет и влияние лидеров партии и укрепить партийную дисциплину. Это достигается при помощи хорошо организованного бюрократического аппарата, находящегося в распоряжении руководства партии.

Аппарат партии осуществляет контроль за политическим «поведением» ее членов, в частности членов партийной фракции в парламенте, дает указания, как им надлежит голосовать, подбирает наиболее подходящих кандидатов от партии на парламентские выборы, осуществляет связь партии с финансирующими ее организа-

циями. Последнее служит весьма эффективным средством контроля центрального аппарата партии над местными организациями, нуждающимися в финансовых средствах, которыми располагает центральный аппарат. Это еще раз подтверждает отрыв руководящего звена партийных функционеров от рядовых избирателей.

Централизация и бюрократизация — таковы основные тенденции развития организационной структуры всех буржуазных, в том числе и правосоциалистических, партий.

Некоторые буржуазные авторы (в частности, М. Дюверже) пытаются объяснить рост авторитарных тенденций в организации партий превращением их в массовые партии. Впрочем, по признанию самого же М. Дюверже, авторитаризм растет и в таких партиях, которые нельзя рассматривать как массовые. Вместе с тем многие западные авторы правильно отмечают, что централизация и бюрократизация партий сопровождаются стремлением сохранить видимость буржуазной демократии: авторитарные и олигархические процессы развиваются путем различных обходных маневров, не связанных с прямым пересмотром партийных уставов.

Вследствие процесса бюрократизации все отчетливее становится различие между социальным составом рядовых членов партии, а также избирателей, с одной стороны, и социальным составом партийного руководства — с другой. В руководстве крупнейших буржуазных и реформистских партий на национальном уровне, равно как и в парламентских группах, почти не представлены рабочие, крестьяне, мелкие служащие. Зато «полнокровно» представлены крупные и мелкие предприниматели, «средний класс». Это одна из стабильных черт буржуазной партийной системы. В лучшем случае в руководстве партий (чаще всего реформистских) имеется значительная прослойка профбюрократов из среды рабочих. Партийная политика по-прежнему остается делом профессионалов, принадлежащих в основном к привилегированным слоям общества. Решающую роль в ее формировании играют лидеры, президенты, премьер-министры, инициативные и патронажные комитеты, группы и т. д. Значение же более представительных органов (конвентов, конференций) постоянно снижается.

Для сегодняшнего этапа кризиса партийных струк-

тур как наиболее демократичных форм представительных учреждений характерен все больший отрыв партий от конкретных механизмов государственного управления, превращение их в идеологическую ширму истинных целей буржуазной демократии.

Особое место в политической системе буржуазного общества занимают коммунистические партии, последовательно отстаивающие интересы трудящихся масс. Свою основную цель они видят в коренной реорганизации и в конечном итоге ликвидации общества, в условиях которого они существуют.

По своей социальной природе компартии противостоят буржуазному обществу и его институтам. В то же время они действуют внутри системы буржуазной демократии и связаны с ее институтами. Поэтому возникает вопрос о месте и роли коммунистических партий в системе политических институтов буржуазных стран, вопрос, который долгое время оставался дискуссионным. С одной стороны, их, бесспорно, нельзя рассматривать как часть структуры политической власти монополий, поскольку именно этой структуре они противостоят. Но с другой стороны, столь же очевидно, что нельзя правильно понять данную структуру (особенно в таких странах, как Италия, Франция, Испания, Португалия, Финляндия, Япония) без учета влияния на нее коммунистических партий, без выяснения их роли и места в общественной и политической жизни буржуазных стран.

Выборы. Связующим звеном между социальной системой и партийной структурой политической системы в процессе формирования конституционных органов государственной власти является механизм выборов.

В послевоенный период в ведущих капиталистических странах шел процесс расширения избирательного права. Капитал уже достаточно давно осознал невозможность сохранения своих политических позиций методами «цензового государства», как это было в домонополистический период. «Цензовая государственность» была сломлена в самой своей основе в результате длительной классовой борьбы пролетариата. Однако не следует переоценивать «разумность» и «уступчивость» буржуазии в данной сфере, а также квалифицировать происшедшие изменения как «революцию в избирательном праве». Избирательные реформы последних лет не оз-

начают какого-либо радикального изменения стратегического курса господствующих кругов. «Вынужденная пойти на расширение избирательного права правящая буржуазия рассчитывает на ряд компенсирующих факторов правового, политического, идеологического характера, позволяющих ей избежать радикальных политических изменений»¹.

Избирательные реформы привели в ряде стран к снижению возрастного ценза до 18 лет (Англия, США, ФРГ, Австрия) и отмене или смягчению некоторых дискриминационных цензов и их реликтов (расового, грамотности, оседлости). Например, в 1971 г. в Швейцарии в результате референдума избирательное право было предоставлено женщинам (до этого времени Швейцария была единственным развитым капиталистическим государством, сохранявшим подобное ограничение).

Однако существует и противоположная тенденция, как бы тормозящая прогрессивное развитие избирательного права. Среди факторов, определяющих эту тенденцию, можно назвать «привязанность» правящего класса к различным вариантам мажоритарной системы выборов, некоторые особенности выдвижения кандидатов и регистрации избирателей, сохранение в отдельных странах двухступенчатых выборов, относительно высокий возрастной ценз пассивного избирательного права, использование такой «электоральной географии», при которой нарушается принцип избрания депутата от равного числа жителей. Сохранение «избирательных качелей» также можно рассматривать как фактор, препятствующий демократизации избирательной системы или даже парализующий процесс ее демократизации.

Кроме рассмотренных выше основных институтов буржуазной демократии, в лекции следует остановиться и на ряде других факторов, дополнительно характеризующих кризис современного империалистического государства.

Далеко не последнюю роль в деле сохранения политического господства буржуазии в избирательных кампаниях играет **идеологический фактор**. В широком смысле слова идеологический фактор означает постоянное воздействие на население, широкие народные массы, их

¹ Политический механизм диктатуры монополий, с. 247.

обработку «механизмом диктатуры монополий». С этим тесно связана идеологическая борьба буржуазных и социал-реформистских партий, в которую втягиваются широкие народные массы. Под идеологической обработкой избирателей в узком смысле слова понимаются направленные пропагандистские и психологические аспекты электоральных кампаний, представляющих собой как бы завершающий этап общего идеологического воздействия.

Среди конкретных механизмов идеологического и социально-психологического манипулирования обычно выделяют следующие: придание избирательным кампаниям «шумного», рекламного характера; широкое использование средств массовой информации; переключение внимания избирателя с политических аспектов кампании в целом на личность конкретного кандидата; дифференцированное воздействие на различные слои и группы населения; постоянный контроль общественного мнения и выбор соответствующей тактики поведения партий и кандидатов.

Все большую актуальность в развитых капиталистических странах приобретает **проблема демократизации управления.**

В последние десятилетия огромный размах в буржуазных странах получило движение трудящихся за ограничение всевластия монополий и расширение своего влияния на производство и экономику в целом. По мере подъема рабочего движения традиционные требования дополняются новыми, связанными с необходимостью последовательной демократизации всех сторон общественной жизни. Этой цели подчинены требования национализации предприятий, участия трудящихся в управлении экономикой, расширения профсоюзных прав и гарантий, проведения широких демократических реформ.

Актуальность проблемы демократизации структур государственного управления объясняется целым рядом объективных экономических, политических и социально-культурных факторов, характеризующих современную стадию развития буржуазного общества. Сужение социально-экономической базы буржуазной демократии усиливает противоречие в самом господствующем классе, порождает неустойчивость всей политической системы, кризис доверия к ней со стороны трудящихся масс, активизирует стремление последних к поиску способов

защиты от неограниченной власти монополий. Поиск таких средств идет по всем направлениям, но более активно на уровне конкретных хозяйственно-производственных коллективов. В теоретическом плане это получило отражение в концепциях «индустриальной демократии».

Процесс демократизации управления не может не затрагивать всю политическую организацию общества, поскольку государство само стало крупнейшим капиталистическим-собственником, опорой частнособственнических общественных отношений. Так, например, острая постановка вопроса об «индустриальной демократии», т. е. защите прав трудящихся, свидетельствует о том, что современная классовая борьба поднимается на новый, более высокий уровень. «Угнетенный класс борется сначала за долю... власти, а затем и за всю власть, чтобы получить возможность изменить существующие законы соответственно своим собственным интересам и нуждам»¹.

Таким образом, движение трудящихся за демократизацию процессов управления производством сегодня рассматривается как одна из промежуточных ступеней, связывающих борьбу против последствий капиталистической эксплуатации с борьбой против буржуазной политической системы, за дальнейшую демократизацию политической власти в обществе.

Право рабочих представителей участвовать в деятельности наблюдательных или производственных советов (а именно на этом уровне идет наиболее острая борьба вокруг «индустриальной демократии»), как и всеобщее избирательное право в «политической сфере», не могут решающим образом подорвать власть капитала. Однако борьба трудящихся за степень влияния на процесс принятия решений в области экономической политики способствует повышению политического сознания масс, подводит их к пониманию необходимости социалистических преобразований, дает возможность рабочему классу подготовиться к управлению социалистической экономикой в будущем.

Наиболее дальновидные представители правящих классов понимают, что старые методы авторитарного управления непригодны для эксплуатации современных рабочих — людей более образованных, острее воспринимающих проявления произвола и беззакония, более

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 19, с. 266.

организованных и сплоченных. В такой ситуации жесткая позиция предпринимателей может лишь способствовать активизации рабочих организаций и обострению классовых противоречий в сфере производства. Опасаясь подобного развития событий, реформистски настроенные круги «властвующей элиты» стремятся перехватить инициативу, внедрить выгодные для себя формы участия трудящихся в управлении, по существу, не ограничивающие прерогатив собственников, но в то же время «интегрирующие» работающих по найму в господствующую систему и создающие впечатление согласованности интересов рабочих и капиталистов.

Специфической чертой буржуазно-реформистских концепций «индустриальной демократии» является сочетание общетеоретической разработки идеологии «социального партнерства» с идеей учреждения на предприятиях специальных органов «ассоциации труда и капитала», т. е. таких форм рабочего представительства, с помощью которых определенная часть буржуазии надеется смягчить основное противоречие капиталистического общества и использовать творческие усилия трудящихся в интересах бизнеса.

Надо сказать, что широкой критике на Западе подвергаются не только конкретно-практические реалии буржуазной демократии, но и ее идейно-теоретические истоки. О темпах падения престижа демократических институтов говорят следующие данные самих американских ученых: в конце 50-х годов около 85% американцев положительно оценивали систему буржуазной демократии в стране, около 75% были уверены в том, что управление страной направлено на благо народа, около 70% выражали доверие правительству и лишь около 20% утверждали, что страной правят крупные промышленные и финансовые тузы. Однако в начале 80-х годов уже более 65% американцев признавали свою неудовлетворенность существующим механизмом управления страной, 53% заявили, что страной правят монополисты, 52% выразили недоверие правительству и лишь около 38% продолжали утверждать, что управление осуществляется «на благо народа». Недовольство большинства американцев существующей формой так называемого демократического правления свидетельствует о кризисе всей политической системы страны.

Таким образом, дискредитируются в первую очередь популярные представления народа об организации демократического управления. В свое время выдающийся американский мыслитель Дж. Дьюи писал, что идеи демократии шире и глубже, чем обычное представление о них как об основах государственного устройства: это и форма правления, и тип экономики, и общественный строй, и образ жизни, это и все выше названное, вместе взятое. Но это, подчеркивал Дж. Дьюи, и нечто большее. Демократия — это в значительной степени и вера. Ныне такая формула «отца американской демократии» получает свое логическое завершение в почти полной потере населением веры в существующие понятия и концепции демократии. Недаром многие буржуазные ученые говорят сегодня о бесперспективности всех разнообразных западных моделей демократии.

Одно из наиболее характерных проявлений кризиса буржуазной демократии — **нарушение основных прав и свобод человека**. Такие нарушения стали системой в странах Запада. Они поддерживаются всем комплексом экономических, политических и правовых институтов империализма и стали фактически неотъемлемой чертой капиталистического строя, основанного на эксплуатации и подавлении человека человеком.

Нарушая права и свободы своих граждан, власть имущие тем самым попирают режим законности, истоки которого лежат в буржуазно-демократических концепциях формального равенства граждан перед законом. Эти нарушения находятся в противоречии и с нормами международного права. Нарушения прав и свобод человека абсолютно противоправны как с точки зрения внутригосударственного, так и международного права и наглядно демонстрируют антигуманную, антинародную сущность буржуазного строя.

Следует особо подчеркнуть, что в капиталистическом обществе имеются влиятельные силы, прямо заинтересованные в постоянных нарушениях прав человека. Это прежде всего могущественные монополистические круги, для которых нарушение основных прав человека, особенно таких, как право на самоопределение или защита от дискриминации, служит источником извлечения огромных прибылей.

Вот лишь один пример. Прогрессивный американский

экономист В. Перло отмечает, что общая сумма дополнительных прибылей, получаемых монополиями США за счет дискриминации в области оплаты труда негров, пуэрториканцев и других национальных меньшинств, составляла в 70-х годах 46 млрд. долл., или 27% совокупной предпринимательской прибыли ежегодно. Огромные доходы приносит монополиям эксплуатация колоний и зависимых территорий. Те же влиятельные монополистические круги непосредственно заинтересованы в нарушении профсоюзных, политических и гражданских прав. Такие нарушения ослабляют рабочее и демократическое движение, препятствуют созданию единого анtimoнополистического фронта.

Другая мощная сила, заинтересованная в подавлении и ограничении прав человека, — военно-промышленный комплекс капиталистических государств. Кроме тех же целей, которые толкают монополии к нарушению прав человека, военно-промышленный комплекс преследует при этом и свои собственные интересы, связанные с сохранением выгодных стратегических позиций, военных баз и подавлением антивоенного движения.

Серьезная опасность делу сохранения прав и свобод человека грозит со стороны крайне правых, реакционных, расистских и националистических режимов и организаций. Подавление основных прав и свобод — главное средство поддержания своего политического господства реакционными режимами таких стран, как ЮАР, Чили, Гондурас, Парагвай, Южная Корея, и им подобных. То же средство повсеместно используется праворадикалистскими, неофашистскими группировками и движениями в целях подрыва буржуазно-демократических институтов во многих капиталистических странах Запада. В Великобритании, например, они разжигают ненависть к эмигрантам, обвиняя их во всех кризисных явлениях страны. В США проповедуют расовую нетерпимость, ссылаясь на «неполноценность» представителей национальных меньшинств и якобы исходящую с их стороны опасность для власти белых. В Канаде и Бельгии пытаются играть на межобщинных противоречиях. В ФРГ даже готовы реабилитировать зверства гитлеровцев, а в Японии стремятся возродить «самурайский дух».

Таким образом, мы видим, что кризис буржуазной демократии в капиталистических странах представляет

собой комплексное и многоаспектное явление, связанное с основными параметрами функционирования буржуазной государственности. Поэтому, говоря о кризисе, необходимо подчеркивать две главные стороны этого явления: с одной стороны — непрекращающуюся эрозию основных компонентов политической и государственной системы буржуазных стран, с другой — развал всех (когда-то прогрессивных по сравнению с феодализмом) институтов буржуазного управления, создающий социально-политический климат общего кризиса механизмов буржуазной демократии.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986.
Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 г. М., 1983.
Актуальные проблемы буржуазного административного права. М., 1984.
Гулиев В. Е., Кузьмин Э. Л. Государство и демократия: Критика антимарксистских теорий. М., 1975.
Краткий словарь по философии. М., 1982.
Политический механизм диктатуры монополий. М., 1974.
Федосеев П. Н. Диалектика современной эпохи. М., 1978.
Шахназаров Г. Х. Социалистическая судьба человечества. М., 1978.
-

**Евгений Николаевич ЛИСИЦЫН,
Юрий Сергеевич ПИВОВАРОВ**

КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Ответственный за выпуск — ст. референт правления
общества «Знание» РСФСР **И. В. Котелевская**
Редактор **Т. Н. Шелехова**
Технический редактор **Л. Л. Миллюк**
Корректор **Л. В. Иванов**

А 01045. Сдано в набор 21.10.85. Подписано к печати 9.04.86. Формат 84×108/32. Бумага тип. № 3. Гарнитура литературная. Печать высокая. Печ. л. 1.25. Усл. печ. л. 2.10. Уч.-изд. л. 2.10. Тираж 10 000 экз. Цена 5 коп. Заказ 2306. Общество «Знание» РСФСР. Москва, 101814. Новая пл., д. 3/4. Типография Всесоюзного общества «Знание».

Цена 5 к.

МОСКВА 1986